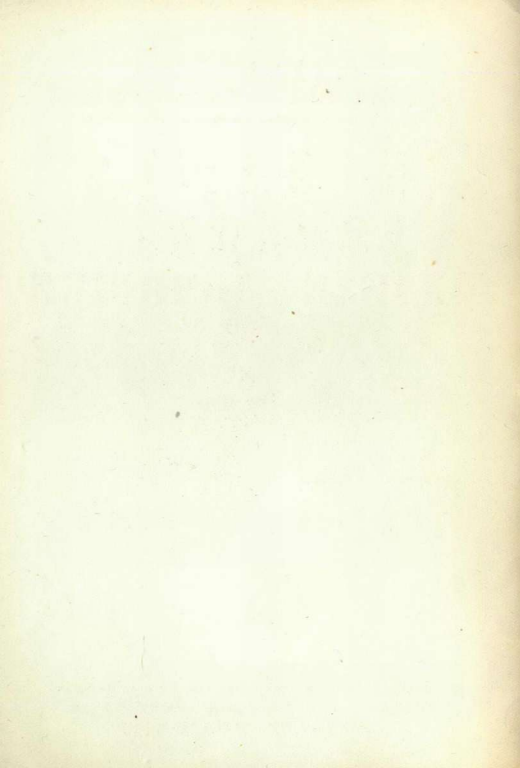

В. БИАНКИ

ЛЕСНЫЕ ДОМИШКИ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1938

Б-59

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Б-59

В. БИАНКИ

ЛЕСНЫЕ ДОМИШКИ

Рисунки художника
В. РАЧОВА

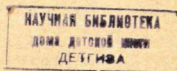
Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1938 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Лесные домишки	3
Приключения муравья	17
Где раки зимуют	30
Теремок	41

27980

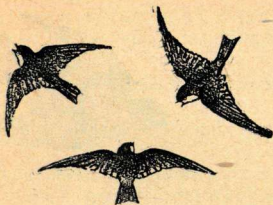
1937-68 г.

Для начальной школы

Редактор *Н. Максимова*. Худож. редактор *П. Суворов*. Техн. редактор *Г. Шейнберг*.
Корректоры: *Е. Рабинер* и *Ю. Носова*. Сдано в производство 10/II 1938 г.
Подписано к печати 17/IX 1938 г. Формат 84х108^{1/2} мм. 8 печ. л. (1,5 уч.- авт. л.).
Индекс Д-8. Детгиздат № 1397. Упомянут. Гланда Б-42260. Тираж 219300 экз.
Заказ 1482

Фабрика детской книги Издательства детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сушенский вал, 49.

ЛЕСНЫЕ ДОМИШКИ

Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки-береговушки. Гонялись друг за другом с визгом и писком: играли в пятнашки.

Была в их стае одна маленькая Береговушка — такая проворная: никак ее догнать нельзя было, ото всех увертывается. Погонится за ней пятнашка, а она — туда, сюда, вниз, вверх, в сторону бросится да как пустится лететь — только крылышки мелькают.

Вдруг — откуда ни возьмись — Чеглок-сокол мчится. Острые изогнутые крылья так и свистят.

Ласточки переполошились: все врассыпную, кто куда, — мигом разлетелась вся стая.

А проворная Береговушка от него без оглядки за реку, да над лесом, да через озеро.

Очень уж страшной пятнашкой был Челлок-сокол.

Летела, летела Береговушка — из сил выбилась. Обернулась назад — никого сзади нет. Кругом оглянулась, а место совсем незнакомое. Посмотрела вниз — внизу река течет. Только не своя — чужая какая-то.

Испугалась Береговушка.

Дорогу домой она не помнила: где ж ей было запомнить, когда она неслась без памяти от страха!

А уж вечер был, ночь скоро.

Как тут быть?

Жутко стало маленькой Береговушке.

Полетела она вниз, села на берегу и горько заплакала.

Вдруг видит: бежит мимо нее по песку маленькая желтая птичка с черным галстучком на шее.

Береговушка обрадовалась, спрашивает у желтой птички:

— Скажите, пожалуйста, как мне домой попасть?

— А ты чья? — спрашивает желтая птичка.

— Не знаю, — отвечает Береговушка.

— Трудно же будет тебе свой дом разыскать, — говорит желтая птичка. — Скоро солнце закатится, темно станет. Оставайся-ка лучше у меня ночевать. Меня зовут Зук. А дом у меня вот тут, рядом.

Зук отбежал несколько шагов и показал клювом на песок. Потом закланялся, закачался на тоненьких ножках и говорит:

— Вот он, мой дом. Заходи!

Взглянула Береговушка — кругом песок да галька, а дома никакого нет.

— Неужели не видишь? — удивлялся Зук. — Вот сюда гляди, где между камешками яйца лежат.

Насилу-насилу разглядела Береговушка: четыре яйца в бурых крапинках лежат рядышком прямо на песке, среди гальки.

— Ну, что же ты? — спрашивает Зук. — Разве тебе не нравится мой дом?

Береговушка не знает, что и сказать: ска-

жешь, что дома у него нет, — еще хозяин обидится. Вот она ему и говорит:

— Не привыкла я на чистом воздухе спать, на голом песке, без подстилочки...

— Жаль, что не привыкла, — говорит Зук. — Тогда лети-ка вон в тот еловый лесок. Спроси там голубя, по имени Витютень. Дом у него с полом. У него и ночуй.

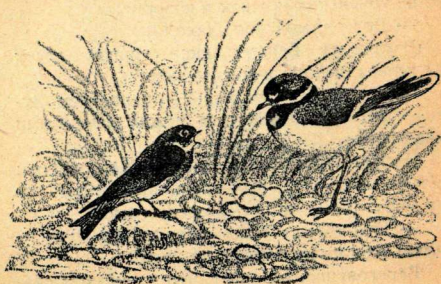
— Вот спасибо! — обрадовалась Береговушка.

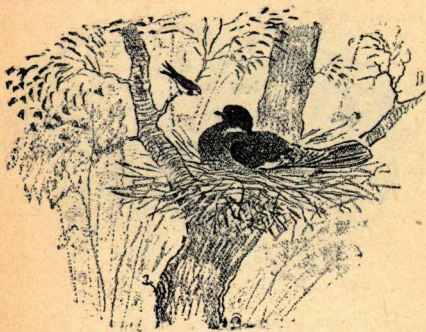
И полетела в еловый лесок.

Там скоро отыскала лесного голубя Витютню и попросилась к нему ночевать.

— Ночуй, если тебе моя хата нравится, — говорит Витютень.

А какая у Витютня хата! Один пол, да и

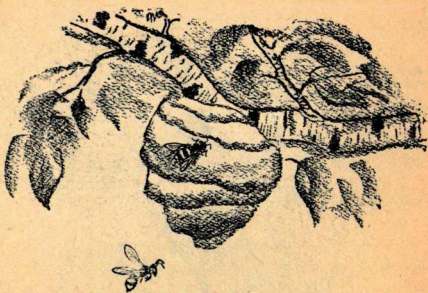
тот как решето — весь в дырах. Просто прутьи на ветви накинаны как попало. На прутьях белые голубиные яйца лежат. Снизу их видно — просвечивают сквозь дырявый пол.

Удивилась Береговушка.

— У вашего дома, — говорит она, — один пол, даже стен нет. Как же в нем спать?

— Что же, — говорит Витютень, — если тебе нужен дом со стенами, лети, разыщи Иволгу. У нее тебе понравится.

И Витютень рассказал Береговушке, как найти Иволгин дом, — в роще, на самой красивой березе.

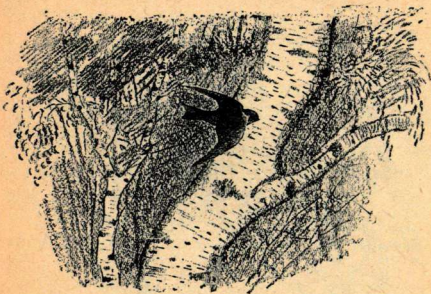
Полетела Береговушка в рощу. А в роще березы одна другой красивее. Искала, искала Иволгин дом и вот, наконец, увидела: висит на березовой ветке крошечный, легкий домик. Такой уютный домик и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги.

«Какой же у Иволги домик маленький! — подумала Береговушка. — Даже мне в нем не поместиться».

Только она хотела постучаться, вдруг из серого домика вылетели осы.

Закружились, зажуужжали — сейчас ужалят!

Испугалась Береговушка и скорей улетела прочь.

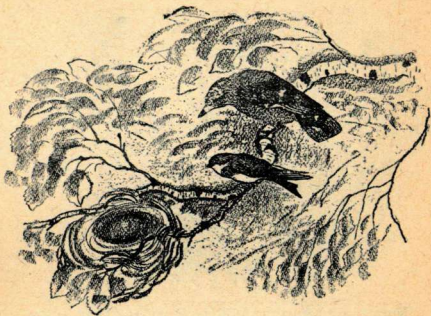
Мчится среди зеленой листвы. Вот что-то золотое и черное блеснуло у нее перед глазами. Подлетела ближе, видит: на ветке сидит золотая птица с черными крыльями.

— Куда спешишь, маленькая? — кричит золотая птица Береговушке.

— Иволгин дом ищу, — отвечает Береговушка.

— Иволга — это я, — говорит золотая птица. — А дом мой вот здесь, на этой красивой березе.

Береговушка остановилась и посмотрела, куда Иволга ей показывает. Сперва она ничего заметить не могла: всё только зеленые листья да белые березовые ветви.

А когда всмотрелась, так и ахнула.

Высоко над землей к ветке подвешена легкая плетеная корзиночка. И видит Береговушка, что это и в самом деле домик. Затейливо так свит из пеньки и стебельков, волосков и шерстинок и тонкой березовой кожурки.

— Ух, — говорит Береговушка Иволге, — ни за что не останусь в этой зыбкой постройке! Она качается, и у меня всё перед глазами вертится, кружится... Того и гляди, ее ветром на землю сдует. Да и крыши у вас нет.

— Ступай к Пеночке, — обиженно говорит ей золотая Иволга. — Если ты боишься на чи-

стом воздухе спать, так тебе, верно, понравится у нее в шалаше под крышей.

Полетела Береговушка к Пеночке.

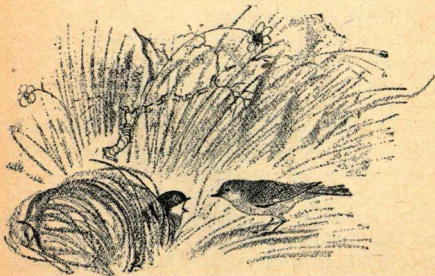
Желтая маленькая Пеночка жила в траве под той самой березой, где висела Иволгина воздушная колыбелька. Береговушке понравился ее шалашик из сухой травы и мха.

«Вот славно-то! — радовалась она. — Тут и пол, и стены, и крыша, и постелька из мягких перышек! Совсем как у нас дома!»

Ласковая Пеночка стала ее укладывать спать. Вдруг земля под ними задрожала, загудела.

Береговушка встрепелулась, прислушивается, а Пеночка ей говорит:

— Это кони в рощу скачут.

— А выдержит ваша крыша, — спрашивает Береговушка, — если конь на нее копытом наступит?

Пеночка только головой покачала печально и ничего ей на это не ответила.

— Ох, как страшно тут! — сказала Береговушка и вмиг выпорхнула из шалаша. — Тут я всю ночь глаз не сомкну: всё буду думать, что меня раздавят. У нас дома спокойно: там никто на тебя не наступит и на землю не сбросит.

— Так, верно, у тебя такой дом, как у Чёмги, — догадалась Пеночка. — У нее дом не на дереве — ветер его не сдует, да и не на земле — никто не раздавит. Хочешь, провожу тебя туда?

— Хочу, — говорит Береговушка.

Полетели они к Чёмге.

Прилетели на озеро и видят: посреди воды на тростниковом островке сидит большеголовая птица. На голове у птицы перья торчком стоят, словно рожки.

Тут Пеночка с Береговушкой простилась и наказала ей к этой рогатой птице ночевать попроситься.

Полетела Береговушка и села на островок. Сидит и удивляется: островок-то, оказывается, пловучий. Плывет по озеру куча сухого тростника. Посреди кучи — ямка, а дно ямки

мягкой болотной травой устлано. На траве лежат Чёмгины яйца, прикрытые легкими сухими тростиночками.

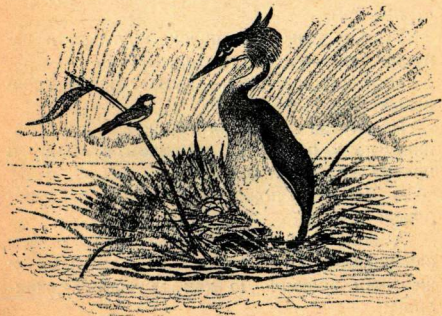
А сама Чёмга рогатая сидит на островке с краешка, разъезжает на своем судёнышке по всему озеру.

Береговушка рассказала Чёмге, как она искала и не могла найти себе ночлега, и попросилась ночевать.

— А ты не боишься спать на волнах? — спрашивает ее Чёмга.

— А разве ваш дом не пристанет на ночь к берегу?

— Мой дом не пароход, — говорит Чём-

га. — Куда ветер гонит его, туда он и плывет. Так и будем всю ночь на волнах качаться.

— Боюсь... — прошептала Береговушка. — Домой хочу, к маме...

Чёмга рассердилась.

— Вот, — говорит, — какая привередливая! Никак на тебя не угодишь! Лети-ка, поищи сама себе дом, какой нравится.

Прогнала Чёмга Береговушку, та и полетела.

Летит и плачет.

А уж ночь наступает: солнце зашло, темнеет.

Залетела Береговушка в густой лес, смотрит: на высокой ели, на толстом суку, выстроен дом.

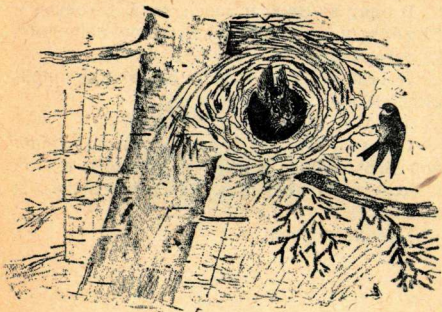
Весь из сучьев, из палок, круглый, а изнутри мох торчит — теплый, мягкий.

«Вот хороший дом, — думает она, — прочный и с крышей».

Подлетела маленькая Береговушка к большому дому, постучала клювиком в стенку и просит жалобным голоском:

— Впустите, пожалуйста, хозяйюшка, переночевать!

А из дома вдруг как высунется рыжая звериная морда с оттопыренными усами, с желтыми зубами! Да как зарычит страшилище:

— С каких это пор птицы по ночам стучат, ночевать просятся к белкам в дом?

Обмерла Береговушка, сердце камнем упало. Отшатнулась прочь, взвилась над лесом да стремглав, без оглядки — наутёк!

Летела, летела, из сил выбилась. Обернулась назад — никого сзади нет. Кругом оглянулась, а место знакомое. Посмотрела вниз — внизу река течет, своя река, родная.

Стрелой бросилась вниз к речке, а оттуда — вверх, под самый обрыв крутого берега. И пропала.

А в обрыве — дырки, дырки, дырки. Это всё ласточкины норки.

В одну из них и юркнула Береговушка. Юркнула и побежала по длинному-длинному, узкому-узкому коридору.

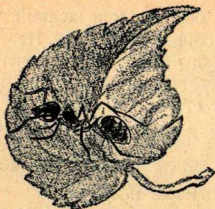
Добежала до его конца и впорхнула в просторную круглую комнату.

Тут уже давно ждала ее мама.

Сладко спалось в ту ночь усталой маленькой Береговушке у себя на мягкой, теплой постельке из травинок, конского волоса и перьев...

Покойной ночи!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРАВЬЯ

Залез муравей на березу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

«Отдохну немножко — и вниз».

У муравьев ведь строго: только солнышко на закат — все домой бегут. Сядет солнце — муравьи все входы и выходы закроют и — спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: желтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки. Несется листок через лес, над рекой, над деревней.

Летит муравьишка на листке, качается — чуть жив от страха.

Занес ветер листок на луг за деревней да там и бросил.

Упал листок на камень, муравьишка себе ноги отшиб. Лежит и думает:

«Пропала моя головушка! Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров — сразу бы побежал, да вот беда — ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит муравей — рядом гусеница-землемер лежит. Червяк червяком, только спереди ножки и сзади ножки.

Муравьишка говорит землемеру:

— Землемер, землемер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— А кусаться не будешь?

— Кусаться не буду.

— Ну, садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост к голове. Потом вдруг встал во весь рост да так и лег на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нем росту, и опять в дугу скрючился. Так и по-

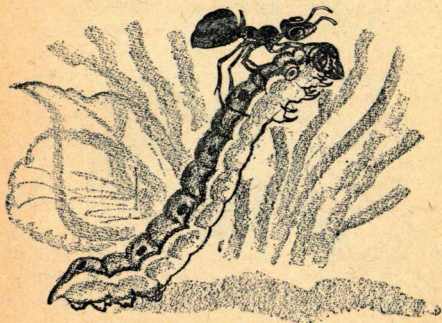
шел, так и пошел землю мерить. Муравьишка то к земле летит, то к небу, — то вниз головой, то вверх.

— Не могу больше, — кричит, — стой! А то укушу!

Остановился землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся. Видит — луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу паук-сенокосец шагает; ноги — как ходули, между ног голова качается.

— Паук, а паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

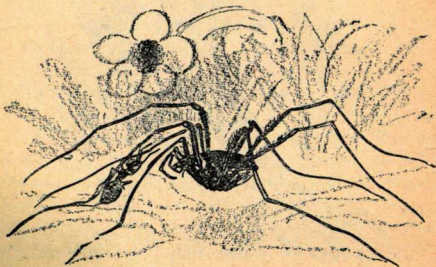
— Ну что ж, садись, подвезу.

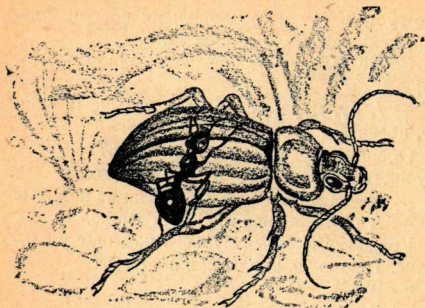
Пришлось муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться пауку на спину: коленки у сенокосца торчат выше спины.

Начал паук свои ходули переставлять — одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у муравьишки замелькали. А идет паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку. Остановился паук.

— Слезай, — говорит. — Вон жужелица бежит, она резвей меня.

Слез муравьишка.

— Жужелка, жужелка, снеси меня домой!
У меня ножки болят.

— Садись, прокачу.

Только успел муравьишка вскарабкаться жужелице на спину, как она пустилась бежать! Ноги у нее ровные, как у коня. Бежит шестиногий конь, бежит, не трясет, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

— А теперь слезай, — говорит жужелица: — не с моими ногами по картофельным грядкам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для муравьишки —

лес густой. Тут и со здоровыми ногами — целый день бежать, а солнце уж низко.

Вдруг слышит муравьишка — пищит кто-то:

— А ну, муравей, полезай ко мне на спину, поскачем.

Обернулся муравьишка — стоит рядом жучок-блошачок, чуть от земли видно.

— Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

— А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился муравей на спине у блошака. Только-только ножки поставил.

— Влез?

— Ну, влез.

— А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки, — а они у него, как пружинки, складные, — да щелк! — распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щелк! — на другой. Щелк! — на третьей.

Так весь огород и отщелкал, до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

— А через забор можешь?

— Через забор не могу: высок очень. Ты кузнечика попроси: он может.

— Кузнечик, кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись на загривок.

Сел муравьишка кузнечику на загривок.

Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их, точно выстрелил собой в воздух. С треском развернулись крылья, перенесли его через забор и тихонько опустили на землю.

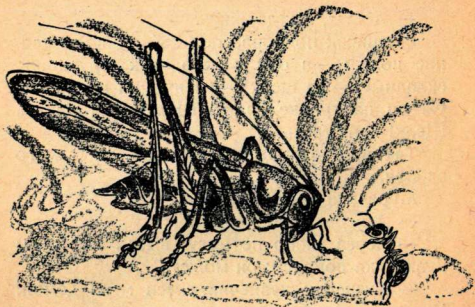
— Стоп! — говорит кузнечик. — Приехали.

Муравьишка глядит вперед, а там река: год по ней плыви — не переплывешь.

А солнце еще ниже.

Кузнечик говорит:

— Через реку и мне не перескочить — очень уж широкая. Стой-ка, я водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрещал по-своему, глядь — бежит по воде лодочка на ножках.

Подбежала.

Нет, не лодочка, а водомерка-клоп.

— Водомер, водомер, снеси меня домой!
У меня ножки болят.

— Ладно, садись, перевезу.

Сел муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху.

А солнце уж совсем низко.

— Миленький, пошибче! — просит муравьишка. — Меня домой не пустят.

— Можно и пошибче, — говорит водомер.

Да как припустит! Оттолкнется, оттолкнется ножками — и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

— А по земле не можешь? — спрашивает муравьишка.

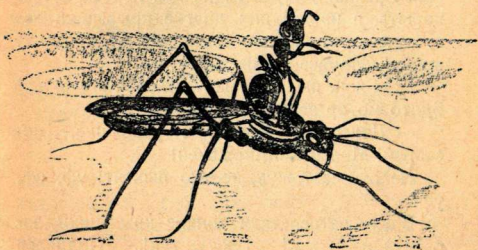
— По земле мне трудно: ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел муравьишка вперед и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось.

Нет, не попасть муравьишке домой!

— Гляди, — говорит водомер, — вот тебе и конь ползет.

Видит муравьишка: ползет мимо майский хрущ — тяжелый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко ускачешь?

Все-таки послушался водомера.

— Хрущ, хрущ, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— А ты где живешь?

— В муравейнике за лесом.

— Далеконько... Ну, что с тобой делать! Садись, довезу.

Полез муравьишка по жесткому жучьему боку.

— Сел, что ли?

— Сел.

— А куда сел?

— На спину.

— Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез муравьишка жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил жук спину надвое — два жестких крыла приподнял. Крылья у жука точно два перевернутых корыта, а из-под них другие крылышки лежат, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал жук пыхтеть, надуваться: уф, уф, уф! Будто мотор заводит.

— Дяденька, — просит муравьишка, — поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает жук, только пыхтит: уф, уф, уф!

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали — жжж! тук-тук-тук!.. Поднялся

хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх, выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал хрущ, у муравьишки даже дух захватило.

Жжжж! Тук-тук-тук! — несется жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес и пропал.

А вот и береза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной березы выключил жук мотор и — шлеп! — сел на сук.

— Дяденька, миленький! — взмолился муравьишка. — А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил жук тонкие крылышки вдоль спи-

ны. Сверху жесткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал. Подумал и говорит:

— А уж как тебе вниз спуститься — не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул муравьишка вниз: а там, под самой березой, его дом родной. Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья. Не попасть муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке гусеница-листовертка сидит, шелковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

— Гусеница, гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась: не пустят меня домой ночевать.

— Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

— Все меня жалели, никто не гнал, ты — первая!

Не удержался муравьишка, кинулся на нее да как куснет!

С перепугу гусеница лапки поджала да кувырк с листа! — и полетела вниз. А муравьишка на ней висит — крепко вцепился.

Только недолго они падали: что-то их сверху — дерг!

И закачались они оба на шелковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается муравьишка на листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у листовёртки из брюшка, тянется, не рвется.

Муравьишка с листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

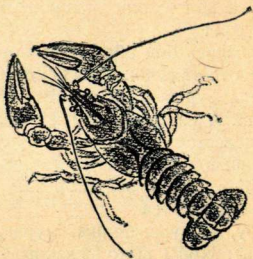
А внизу, в муравейнике, муравьи хлопочут, спешат: входы, выходы закрывают.

Все закрыли, один — последний — вход остался.

Муравьишка с гусеницы — кувырк! — и домой.

Тут и солнышко зашло.

ГДЕ РАКИ ЗИМУЮТ

В кухне на табуретке стояла плоская корзина, на плите — кастрюля, на столе — большое белое блюдо. В корзине были раки, в кастрюле был кипяток с укропом и солью, а на блюде ничего не было.

Вошла хозяйка и начала:

раз — опустила руку в корзину и схватила рака поперек спины;

два — кинула рака в кастрюлю, подождала, пока он сварится, и —

три — переложила рака ложкой из кастрюли на блюдо.

И пошло, и пошло!

Раз — черный рак, схваченный поперек спины, сердито шевелил усами, раскрывал клешни и щелкал хвостом;

два — рак окунулся в кипяток, перестал шевелиться и краснел;

три — красный рак ложился на блюдо, лежал неподвижно, и от него шел пар.

Раз-два-три, раз-два-три, — в корзине оставалось всё меньше черных раков, кипяток в кастрюле булькал, а на белом блюде росла гора красных раков.

И вот остался в корзине один, последний рак.

Раз — и хозяйка схватила его пальцами поперек спины.

В это время ей крикнули что-то из столовой.

— Несу, несу! Последний! — ответила хозяйка — и спуталась: два — кинула черного рака на блюдо, подождала немножко, подцепила ложкой с блюда красного рака и — три — опустила его в кипяток.

Красному раку было всё равно, где лежать, — в горячей кастрюле или на прохладном блюде. Черному раку совсем не хотелось в кастрюлю, не хотелось ему лежать и на блюде. Больше всего на свете ему хотелось туда, где раки зимуют.

И, долго не раздумывая, он начал свое путешествие: задом, задом, на попятный двор.

Он наткнулся на гору неподвижных красных раков и забился под них.

Хозяйка украсила блюдо укропом и подала на стол.

Белое блюдо с красными раками и зеленым укропом было красиво. Раки были вкусные. Гости были голодны. Хозяйка была занята. И никто не заметил, как черный рак перевалился с блюда на стол и задом, задом подполз под тарелку, задом, задом добрался до самого края стола.

А под столом сидел котенок и ждал, не перепадет ли ему что-нибудь с хозяйского стола.

Вдруг — бац! — треснулся перед ним кто-то черный, усатый.

Котенок не знал, что это рак, думал — большой черный таракан, и толкнул его носом.

Рак попятился.

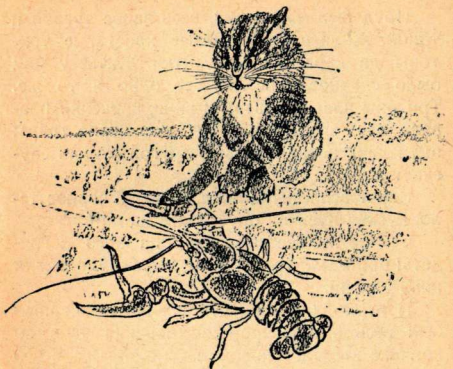
Котенок тронул его лапкой.

Рак поднял клешню.

Котенок решил, что с ним дела иметь не стоит, обернулся и мазнул его хвостом.

А рак — хватать! — и зажал ему клешней кончик хвоста.

Что тут с котенком стало! Мяу! — он скак-

нул на стул. Мяу! — со стула на стол. Мяу! — со стола на подоконник. Мяу! — и выскочил на двор.

— Держи, держи, бешеный! — кричали гости.

Но котенок вихрем помчался через двор, вскочил на забор, понесся по саду. В саду был пруд, и котенок, верно, свалился бы в воду, если б рак не разжал клешни и не отпустил его хвоста.

Котенок повернул назад и галопом поскакал домой.

Пруд был маленький, весь зарос травой и тиной. Жили в нем ленивые хвостатые тритоны, да карасики, да улитки. Житье у них было скучное, — всегда всё одно и то же. Тритоны плавали вверх и вниз, карасики плавали взад-вперед, улитки ползали по траве: один день наверх ползет, другой — вниз спускается.

Вдруг всплеснула вода, и чье-то черное тело, пуская пузыри, опустилось на дно.

Сейчас же все собрались на него поглядеть: приплыли тритоны и карасики, поползли вниз улитки.

И верно, было на что поглядеть: черный был весь в панцире — от кончика усов до кончика хвоста. Гладкие латы охватывали его грудь и спину. Из-под твердого забрала на тоненьких стебельках высывались два неподвижных глаза. Длинные прямые усы торчали вперед, как пики. Четыре пары тонких ног были как вилочки, две клешни — как две зубастые пасти.

Никто из прудовых жителей еще ни разу в жизни не видел рака, и все из любопытства лезли поближе к нему. Рак шевельнулся — все испугались и отодвинулись подальше. Рак поднял переднюю ножку, ухватил вилкой свой глаз, вытянул стебелек и давай чистить.

Это было так удивительно, что все опять

полезли на рака, а один карасик даже наткнулся на его усы.

Раз! — рак схватил его клешней, и глупый карасик разлетелся пополам.

Всполошились карасики, разбежались кто куда. А голодный рак спокойно принялся за еду.

Сытно зажил рак в пруду. Целыми днями он отдыхал в тине. Ночами бродил, ощупывал усами дно и траву, хватал клешнями тихоходов-улиток.

Тритоны и карасики боялись теперь его и близко не подпускали к себе. Да ему достаточно было и улиток: он съедал их вместе с домиками, и панцырь его только окреп от такой пищи.

Но вода в пруду была гнилая, затхлая. И его попрежнему тянуло туда, где раки зимуют.

Раз вечером начался дождь. Он лил всю ночь, и к утру вода в пруду поднялась, вышла из берегов. Струя подхватила рака и понесла его прочь из пруда, ткнула о какой-то пень, подхватила опять и сбросила в канаву.

Рак обрадовался, расправил широкий хвост, захлопал им по воде и задом, задом, как ползал, поплыл.

Но дождь кончился, канава обмелела — плыть стало неудобно. Рак пополз.

Полз он долго. Днем отдыхал, а ночью снова отправлялся в путь. Первая канава свернула во вторую, вторая — в третью, третья — в четвертую, а он всё пятился, пятился, полз, полз — и всё никак не мог никуда приползти, выбраться из ста канав.

На десятый день пути он забрался, голодный, под какую-то корягу и стал ждать, не поползет ли мимо улитка, не проплывет ли рыбка или лягушка.

Вот сидит он под корягой и слышит: бултых! Что-то тяжелое упало с берега в канаву.

И видит рак: плывет к нему мордастый зверь с усами, с короткими лапами, а ростом с котенка.

В другое время рак испугался бы, попятился от такого зверюги. Но голод — не тетка. Чем-нибудь надо брюхо набить.

Пропустил рак зверя мимо себя да хватить его клешней за толстый волосатый хвост! Думал — отрежет, как ножницами. Да не тут-то было! Зверь — а это была водяная крыса — как рванет, и легче птички вылетел рак из-под коряги. Метнула крыса хвостом в другую сторону, — крак! — и переломилась рачья клешня пополам.

Упал рак на дно и лежит. А крыса дальше поплыла с его клешней на хвосте. Спасибо еще, нехватила рака своими страшными зуба-

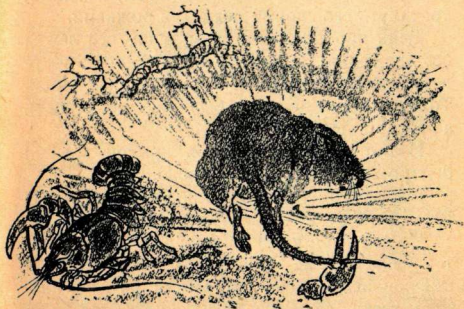
ми, тогда не помог бы ему и крепкий панцырь.

Пополз рак дальше с одной клешней.

Нашел водоросли и поел их. Потом попал в ил. Рак засунул в него свои лапки-вилки и давай ими шарить. Левая задняя лапка нащупала и схватила в иле червяка. Из лапки в лапку, из лапки в лапку, из лапки в лапку — отправил рак червяка себе в рот.

Подкрепился и пополз дальше.

Целый месяц уже длилось путешествие по канавам, когда рак вдруг почувствовал себя плохо, так плохо, что не мог ползти дальше;

и стал он хвостом песок в берегу ворошить, рыть. Только успел вырыть себе норку в песке, как начало его корчить.

Рак линял. Он упал на спину, хвост его то разжимался, то сжимался, усы дергались. Потом он разом вытянулся — панцырь его лопнул на животе, — и из него полезло розовато-коричневое тело. Тут рак сильно дернул хвостом — и выскочил сам из себя. Мертвый усатый панцырь выпал из пещерки. Он был пустой, легкий. Сильным течением его поволокло по дну, подняло, понесло.

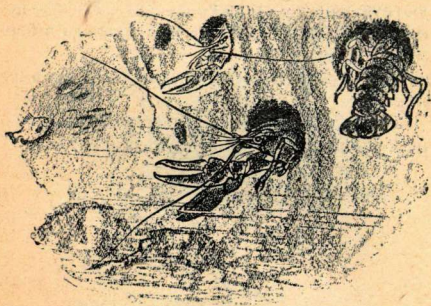
А в глиняной пещерке остался лежать живой рак — такой мягкий и беспомощный теперь, что даже улитка могла бы, казалось, проткнуть его своими нежными рожками.

День проходил за днем, а он всё лежал без движения. Понемногу тело его стало твердеть, снова покрываться жестким панцырем. Только теперь панцырь был уже не черный, а красно-коричневый.

И вот чудо: оторванная крысой клешня быстро начала отрастать заново.

Рак вылез из норки и с новыми силами отправился в путь — туда, где раки зимуют.

Из канавы в канаву, из ручья в ручей полз терпеливый рак. Панцырь его чернел. Дни становились короче, шли дожди, на воде плавали легкие золотые челночки — облетевшие

с деревьев листья. По ночам вода подергивалась хрупким ледком.

Ручей вливался в ручей, ручей бежал к реке.

Плыл, плыл по ручьям терпеливый рак — и наконец попал в широкую реку с глиняными берегами.

В крутых берегах под водой — в несколько этажей пещерки, пещерки, пещерки, как гнезда ласточек вверх, над водой, в обрыве. И из каждой пещерки рак глядит, шевелит усами, грозит клешней. Целый рачий город.

Обрадовался рак-путешественник. Нашел в берегу свободное местечко и вырыл себе

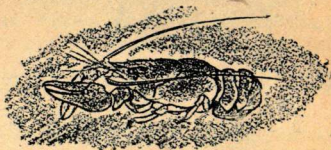
уютную-уютную норку-пещерку. Наелся поплотней и залег зимовать, как медведь в берлоге.

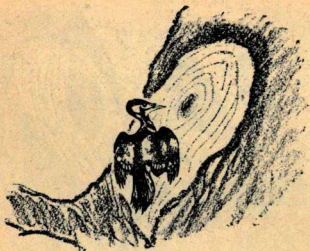
Да уж и пора было: снег падал и вода замерзала.

Заткнул рак вход в пещерку своей большой клешней, — поди-ка, сунься к нему!

И заснул.

Так и все раки зимуют.

ТЕРЕМОК

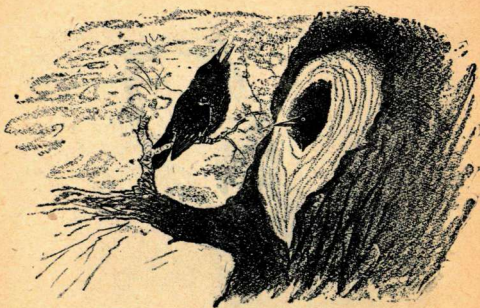
Стоял в лесу дуб. Толстый-претолстый, старый-престарый.

Прилетел дятел пестрый, шапка красная, нос вострый. По стволу скок-поскок, носом стук-постук — выстукал, выслушал и давай дырку долбить. Долбил-долбил, долбил-долбил — выдолбил глубокое дупло. Лето в нем пожил, детей вывел и улетел.

Миновала зима, опять лето пришло.

Узнал про то дупло скворец. Прилетел. Видит — дуб, в дубу — дырка. Чем скворцу не теремок?

Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

Никто из дупла не отвечает, пустой стоит терем.

Натаскал скворец в дупло сена да соломы, стал в дупле жить, детей выводить.

Год живет, другой живет — сохнет старый дуб, крошится; больше дупло, шире дыра.

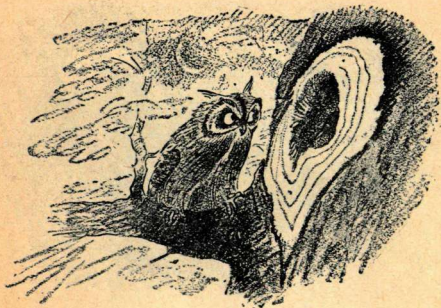
На третий год узнал про то дупло желтоглазый сыч.

Прилетел. Видит — дуб, в дубу — дырка с кошачью голову.

Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

— Жил дятел пестрый — нос вострый, те-

перь я живу — скворец, первый в роще певец.
А ты кто?

— Я сыч. Попадешь мне в когти — не
хнычь. Ночью прилечу — цоп! — и проглочу.
Ступай-ка из терема вон, пока цел!

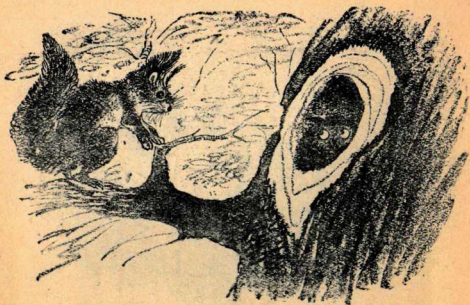
Испугался скворец сыча, улетел.

Ничего не натаскал сыч, стал так в дупле
жить, на своих перышках.

Год живет, другой живет — крошится ста-
рый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло белка.
Прискакала. Видит — дуб, а в дубу — дырка с
собачью голову. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

— Жил дятел пестрый — нос вострый, жил скворец — первый в роще певец, теперь я живу — сыч. Попадешь мне в когти — не хнычь. А ты кто?

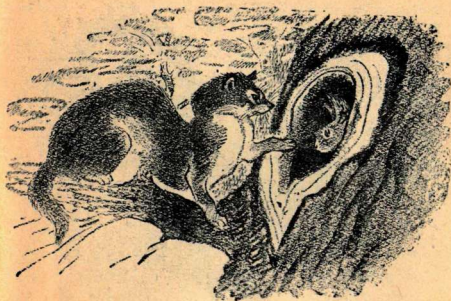
— Я белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка. У меня зубы долги, востры, как иголки. Ступай из терема вон, пока цел!

Испугался сыч белки, улетел.

Натаскала белка моху, стала в дупле жить.

Год живет, другой живет — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло куница. Прибежала, видит — дуб, а в дубу — дыра с человечесью голову. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

— Жил дятел пестрый — нос вострый, жил скворец — первый в роще певец, жил сыч — попадешь ему в когти — не хнычь, теперь я живу — белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка. А ты кто?

— Я куница — всех мелких зверей убийца. Я страшней хоря, со мной не спорь зря. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась белка куницы, ускакала.

Ничего не натаскала куница, стала так в дупле жить, на своей шерстке.

Год живет, другой живет — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнали про то дупло пчелы. Прилетели. Видят — дуб, в дубу — дыра с лошадиную голову. Кружат, жужжат, спрашивают:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

— Жил дятел пестрый — нос вострый, жил скворец — первый в роще певец, жил сыч — попадешь к нему в когти — не хнычь, жила белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка, теперь я живу — куница — всех мелких зверей убийца. А вы кто?

— Мы пчелиный рой — друг за дружку горой. Кружим-жужжим, жалим, грозим боль-

шим и малым. Ступай-ка из терема вон, пока
цела!

Испугалась куница пчел, убежала.

Натаскали пчелы воску, стали в дупле
жить. Год живут, другой живут — крошится
старый дуб, шире дупло.

На третий год узнал про то дупло мед-
ведь. Пришел. Видит — дуб, в дубу — дыри-
ща в целое окнище. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

— Жил дятел пестрый — нос вострый, жил
скворец — первый в роще певец, жил сын —
попадешь ему в когти — не хнычь, жила бел-
ка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка,

жила куница — всех мелких зверей убийца,
теперь мы живем — пчелиный рой — друг за
дружку горой. А ты кто?

— А я медведь-мишка, вашему терему
крышка!

Влез на дуб, просунул голову в дупло да
как нажал! Дуб-то пополам и расселся, а из
него — считай-ка, сколько лет копилось:

шерсти,

да сена,

да воску,

да моху,

да пуху,

да перьев,

да пыли —

да пх-х-х!..

Теремка-то и не стало.

27980

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОЛЯ ЯКОБОВИЧ ИЮРИ
ДЕТГИЗА

К
Цена 70 коп.

Цена 50 коп.